

УДК 72.036

ББК 85.1

DOI:10.18688/aa155-8-87

Ю. П. Волчок

Знание об античности и архитектуроведение в 60-е годы прошлого века: *arche* современной архитектуры

Сегодня состояние архитектуры в нашей стране уже нельзя охарактеризовать просто как проблемное. Ситуация воспринимается как рубежная, поскольку становится всеобщей психологическая усталость от видения профессиональных возможностей архитектуры, а точнее — впечатления от достигаемых ею результатов. В большинстве своем ни молодые архитекторы, ни мастера в равной мере не видят обнадеживающей перспективы в сложившемся на сегодня потоке, развивающей тенденции, как представляется, «современной архитектуры». Крепнет убежденность в том, что очевидный внутрипрофессиональный кризис может найти разрешение в заинтересованном обращении к наследию классики. Трудно не согласиться с тем, что концентрация внимания на просветительском, знаточеском осмыслении архитектурного творчества должна стать более объемной и сосредоточенной на обретении профессионального достоинства, обеспечиваемого в основном углублением гуманитарного понимания закономерностей жизнеустройства и их архитектурно-художественного выражения (предъявления).

В отечественной истории Новейшего времени ситуация не новая, и было бы уместно опереться на обретенный опыт. В частности, вспомнить о том, что в словаре художественных терминов, созданном в 1924–1929 гг. в Государственной академии художественных наук, дано два определения термина «архитектура». Это решение пришло вслед за пониманием возможности (может быть, и необходимости) сосуществования различных представлений о содержании архитектуры. Одно сфокусировано на современной на то время проблематике. Другое развивает исторически сложившееся понимание искусства архитектуры. Первую трактовку архитектуры пригласили представить в словаре М. Я. Гинзбурга, вторую аргументированно раскрыл А. Г. Габричевский [18, с. 45–52].

В начале 1960-х гг. в контексте происходящих радикальных для архитектурного творчества изменений сформировался серьезный профессиональный интерес к наследию отечественной архитектуры 1920-х гг. Важно уточнить, что импульс для концентрации внимания на том, что позднее стали называть «эпохой авангарда», возник в связи с проведением в 1958 г. в Москве V Конгресса Международного союза архитекторов (UIA). Зарубежные коллеги буквально открыли глаза в основном молодым московским архитекторам и архитектуроведам, помогавшим им ориентироваться в городе, на ценность для современности наследия московского конструктивизма. В нем пытались увидеть подлинное начало разворачиваемой в будущее ленты пол-

нокровного архитектурного творчества. Обретение «механизма» осмысления Нового наложилось на интенсивное накопление знания и методов, объединенных системным подходом и актуализированным проникновением в глубины античности.

1960-е гг. стремились по-новому осмыслить мир. Опора на античность позволяла как бы заново пройти исторический путь от истоков диалога западной цивилизации и культуры до своих дней с тем, чтобы раскрылась методология науки, обеспечивающая тенденции на развитие в будущее.

Архитектуроведение 1960-х не оставалось в стороне. Совмещение во времени интереса к наследию авангарда 1910–1920-х гг. и внимания к знанию об античности сформировало многогранность исторически ориентированного профессионализма в понимании процесса становления Нового на материале архитектурного творчества и теории архитектуры тех лет. Именно в архитектуре, с одной стороны, осознанное обращение к античности было оплодотворено подлинно искренним интересом к общению с бесспорно окрашенным романтизмом наследием первых десятилетий XX в., а с другой — изучение наследия «эпохи авангарда» не входило в круг интересов официальной науки тех лет. Авангард оставался «другим» искусством, изучение его наследия было акцентировано как «периферийное» для планируемой государством программы научных исследований. Важно обратить внимание и на то, как складывалось содержание исторического знания, возвращенного на диалоге романтически окрашенного накопления фактологического знания о событийной ткани профессионализма в эпоху авангарда и заинтересованно углубленных представлений о «жизни и судьбе» античной архитектуры и окружающего и (или) формирующего ее античного мира. Помимо обретения классического знания, в данном случае — об истории античности, в архитектуроведении сформировался собственно теоретический интерес к античности как прием сложения методологии проникновения в Новое, начиная ее отсчет и буквально отталкиваясь от Начала, сформировавшего современный мир. Не стоит думать, что эту особенность архитектуроведения в 1960-е гг. можно назвать общепринятой и повсеместно осознаваемой. Скорее то наследие, о котором идет речь в этой статье, было исключением из опыта архитектурной науки тех лет, но важно, что оно не осталось эпизодом, самодостаточным фактом истории, а с течением времени вросло в методологию архитектуроведения, стало ее содержательным стержнем, полноценно раскрываемым, по сути, только в наше время.

Разговор о месте знаний об античности в формировании *arche* современной нам архитектуры как одного из этапов исторического процесса, начало которого приходится в нашей стране на 1960-е гг., я хотел бы поддержать мыслью С. О. Хан-Магомедова, высказанной им в тексте от автора, открывающем первую книгу двухтомника «Архитектура советского авангарда», изданную в 1996 г.: «Сегодня мы забыли, а точнее, отвыкли от мысли, что искусство — *многослойное явление*, что видимый каждому и оцениваемый всеми верхний слой (это лишь надводная часть айсберга) не может быть самобытным, если в искусстве отсутствуют пласты, где зарождаются новые формотворческие идеи, которые *очень трудно, да и не нужно, разъяснять всем*, будь то потребитель, заказчик или начальство; многое здесь внутри профессии и важно для ее творческого развития...» (выделено автором. – Ю. В.) [23, с. 9].

Основная задача статьи — показать, как формировались «внутрипрофессиональный слой» с опорой на знание об античности и конструирование полноценного «начала пути», позволяющего уловить то направление движения, которое могло привести уже в начале 1960-х гг. к обретению Нового, нового качества в «миропонимании, которое есть пространствопонимание» (по П. А. Флоренскому). Формирование «внутрипрофессионального слоя» в осмыслении архитектуры в интересующее нас здесь время растянулось между 1940-ми и 1960-ми гг. По сути, мы обсуждаем здесь события и интеллектуальные проблемы, возникавшие и складывавшиеся в латентный период развития архитектуры, предшествующий 1960-м гг. когда или, точнее, пока визионерские возможности восприятия архитектуры, формирующие массовое понимание и толкование архитектурного творчества, не были в полной мере востребованы.

Уместно заметить, что в самом начале 1960-х гг. отечественная гуманитарная наука фиксировала внимание на различии художественных ценностей в лоне массовой культуры и их авторского, углубленного прочтения, всегда остающегося индивидуальным, личностным. Сошлемся только на статью И. Б. Роднянской «О беллетристике и “строгом искусстве”», опубликованную в первом после реорганизации журнала «Новый мир» номере (№ 4) за 1962 г. (Этот номер журнала вошел в историю, поскольку в нем впервые напечатана повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».)

П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев и В. П. Зубов — одни из наиболее ярких отечественных мыслителей XX в., чье научное творчество, разумеется, индивидуально осмысленное, составило основания и предопределило возможность говорить об обращении к античности в интересах отечественного архитектуроведения на «переходе» от 1940-х к 1970-м гг. Оно существенно важно для нашей реконструкции научных поисков и формирования рабочих методик в архитектурной науке в 1940–1960-е гг., поскольку она опирается на предлагаемую А. Ф. Лосевым дифференциацию категорий, на основе которых строится историческое миропонимание [13]. При этом философ фиксирует внимание на том, что выявленные им категории обретают основания формировать исторический процесс только в результате индивидуальных особенностей понимания сути античности и авторской направленности исследовательского взгляда того или иного ученого. А. Ф. Лосев утверждает исчерпывающую универсальность кругового движения для античной культуры. Вслед за тем он показывает, что современная нам геометрия позволяет достаточно наглядно любую форму движения интерпретировать как круговую. Филолог и философ, а точнее, наоборот, философ и филолог, А. Ф. Лосев показывает необходимость математического понимания исторических процессов и останавливается на многочисленных позитивных, а главное, методически плодотворных следствиях диалога математического и гуманитарного описаний универсальных процессов. В том числе для архитектуроведения весьма существенны:

- фиксация современности как частного случая исторического процесса, то есть утверждение динамической сущности всякого творчества, его протяженности;
- дифференциация категорий, формирующих историческое знание, позволяющая отказаться от глобально обобщающего, всеохватного, исключаящего различия понимания истории как единого процесса, ориентированного в основном на визионерское восприятие и описательную трактовку исторических фактов.

Предлагаемая Лосевым последовательность исторических категорий позволяет выявить и уточнить во всяком конкретном случае «область определения», направленность и специфику для каждой из них и, разобравшись в общественно-личностных взаимоотношениях, строить связи между отдельными фактами, превращая их в историческое событие.

Знание об истории архитектуры складывается в основном в лоне классического искусствознания, из чего закономерно вытекает рассмотрение (и формирование) исторических процессов как движения во времени стилистических особенностей, преобладающих в той иной культуре. Другой подход к истории формируется вокруг цивилизационных преобразований. Научная традиция, как правило, противопоставляет культурологический и цивилизационный подходы к истории.

И здесь мы вновь останавливаемся на пороге очередного, вполне определенно ограниченного пространства в анфиладе накопления знания об истории архитектуры Новейшего времени. В 1960-е гг. стоит искать начало становления полноценного диалога между цивилизационными процессами и культурологией. В наши дни закономерная неизбежность этого диалога становится все более явной, но, увы, еще далеко не общепринятой.

А.-Дж. Тойнби (1889–1975) принято считать одним из наиболее значительных историков, сосредоточенных на обретении знания о судьбе цивилизаций. Однако, если читать его труды с позиций углубленного интереса к истории архитектуры, то становится, на мой взгляд, очевидно, что профессиональные методы и приемы изучения истории, которыми овладел этот исследователь, опираясь на особенности полученного им университетского образования в Англии в первое десятилетие XX в., направлены на поиски архитектурного диалога между культурой и цивилизацией, что может стать одним из существенных оснований для современных исследований в области истории архитектуры, в первую очередь Новейшего времени. В связи с осмыслением вклада А.-Дж. Тойнби в становление архитектуроцентризма необходимо обратить внимание на его «три греческих образования» и на то, что в классическом колледже в Лондоне, который он окончил, современные немецкий и французский языки в его время преподавали учителя математики. Это не дало выпускникам оснований заговорить на изучаемых языках, но зато сделало их отменными знатоками грамматики этих языков, что, несомненно, положительно сказалось, по утверждению Тойнби, на формировании авторской методологии создания исторических конструкций [20, с. 16–48].

Вопреки сложившемуся вследствие принятой периодизации культуры в XX в. в нашей стране стереотипу смены периодов, тяготеющих к традиционным и модернистским ценностям, на 1960–1970-е гг. приходится буквально всплеск интереса к знанию реалий античной культуры и закономерностей развития античной цивилизации. И здесь также уместно сделать «шаг назад» и познакомиться с тем, как складывалась реальность вращающегося знания об античности в архитектуроведении 1940–1960-х гг., то есть в латентный к рассматриваемому, но неотрывный от него период. В годы войны было создано несколько трудов — значительных, знаковых для осознания в будущем содержания архитектурной деятельности. Почему в будущем? Потому что фундаментальные работы В. П. Зубова [11], Б. П. Михайлова [16], А. К. Бурова [5] были изданы

только в начале 1960-х гг. Рукописи М. Я. Гинзбурга 1942–1943 гг., посвященные тектонической проблематике, не опубликованы полностью по сей день [8, с. 171–176].

Что объединяет эти исследования, помимо времени их написания в годы войны и публикации только в 1960-е гг.? Все они так или иначе сосредоточены на тектонической проблематике, то есть на выявлении внутривидового диалога между функционально-техническими и архитектурно-художественными проблемами архитектурного творчества. Построение профессионального диалога и выявление не только стремления, но и пути к совершенству оказались в центре внимания во всех этих работах, видимо, еще и потому, что:

- М. Я. Гинзбург получил в свое время двойное образование: как архитектор-художник он выпусклся в Милане в 1914 г., а позднее по программе обучения гражданских инженеров окончил рижский Политехнический институт, оказавшийся из-за событий Первой мировой войны в эвакуации в Москве, а затем в Иваново;

- Б. П. Михайлов в годы войны стал дважды доктором наук: технических и архитектуры. Основанием для этой аттестации было исследование античной архитектоники. Книга «Основы античной теории архитектуры» первоначально была создана в 1944 г. под названием «Основы античной архитектоники». Именно эта книга была напечатана в 1947 г., но попала под санкции в связи с кампанией борьбы с космополитизмом. Тираж был уничтожен. Издание 1967 г. переработано и существенно сокращено;

- А. К. Буров уже после войны также защитил докторскую диссертацию — по техническим наукам;

- В. П. Зубов докторскую диссертацию «Архитектурная теория Альберти» защищал в январе 1946 г. Буквально на это же время пришелся «стык» между его работой в Академии архитектуры СССР, начатой в 1930-е гг., и в Институте истории естествознания, науки и техники — после 1945 г. Исследования по различным аспектам математического мышления в античности и в более позднее время стали стержневыми для научного творчества В. П. Зубова. Это наглядно проявилось в его книге о Леонардо да Винчи.

Вспоминали имя Леонардо и в связи с оценкой творческого диапазона и углубленной проработки материала в творчестве А. К. Булова. В этом контексте становится понятным и органичным определение архитектуры, данное в книге «Об архитектуре» [5], написанной им в годы войны, и ориентированное на осознанную реализацию в будущем. Оно по-леонардовски всеохватно и возвращает архитектуру к полноценной, восходящей к античности роли Главного строителя [17].

В приведенных здесь исследованиях мы сталкиваемся с мало привычным пока для современного науковедения пониманием истории, ориентированным не назад по шкале времени, а вперед, но не из наших дней, а как бы возвращаясь к истокам, к Началу — к античности. Для этого круга научных интересов характерно не выявление нового знания о тех или иных событиях в античности, а скорее, наоборот — опираясь на уже обретенное знание, ведутся поиски Нового, либо в процессе исторического роста от античности в современность, либо при прочтении содержания современного профессионализма в логике античной традиции. Строго говоря, упомянутый ранее тезис А. Ф. Лосева о круговом движении достаточно корректно и полно описывает и такой срез обретения исторического знания, а точнее — укрепления современности

в исторической традиции. Утверждение Нового через включенность его в историческую последовательность добавляет аргументы в пользу его (Нового) укорененности.

Книга В. П. Зубова «Леонардо да Винчи» увидела свет в 1962 г. [11]. Кстати, центральное место в ее структуре занимает глава «Математический рай». Но это отдельная тема. Здесь для нас важно, что книга А. К. Бурова «Об архитектуре» вышла практически одновременно с ней, в 1960 г. Определение современного содержания архитектурного профессионализма в этой книге А. К. Буров дает в полном соответствии с возрожденческой, восходящей к первоисточкам античности трактовкой всеохватной целостности архитектурной культуры и архитектурной ответственности.

Из многочисленных напластований всеобщей истории архитектуры, в том числе и временных, и методологических, при ее изучении С. О. Хан-Магомедов останавливается на методологии изучения античности: истории античности и античности как истории. Образно, она едва ли не буквально совпадает с пониманием исторического процесса, развернутого не в прошлое, а в будущее. Исследователь знал литературу, так или иначе связанную с методиками изучения античности. Надо вспомнить еще раз, что мы обсуждаем в основном десятилетие с 1962 по 1972 г. 1960-е гг. были, пожалуй, не просто наиболее яркими и значительными в изучении различных аспектов и тематических «срезов» античности, но в этот период, как никогда, академическая, «чистая» гуманитарная наука стала едва ли не символом свободомыслия, особенно в нашей стране.

Д. В. Бугай, научный редактор издания, в предисловии к книге Т. В. Васильевой «Поэтика античной философии» пишет в 2008 г.: «...Есть знание, которое не зависит ни от программы партии, ни от резолюций съездов и пленумов, ни от речей генеральных секретарей. Современной университетской молодежи сложно или даже уже невозможно представить, что были времена, когда объективное изложение античной литературы, лишённое идеологической нагрузки и искажений, было настоящим глотком свежего воздуха, а грамматика древних языков — полигоном свободомыслия» [4, с. 7].

Здесь же уместно в развитие этого тезиса зафиксировать внимание и уважительный интерес Хан-Магомедова к работам В. С. Библера. Книга «Мышление и творчество (Введение в логику мысленного диалога)» [2] стала для Хан-Магомедова и с его легкой руки для нас на долгое время буквально настольной. В дальнейшем логика размышлений на эту тему привела Библера к своей авторской концепции устройства Начала — *arche*, удивительно близкой к разрабатываемой Хан-Магомедовым. Это методически делает понятие *arche* универсальным и архитектуроцентричным — ориентированным на знание и понимание архитектурных ценностей и закономерностей. В книге «Кант — Галилей — Кант» В. С. Библер в полной мере раскрывает тему пути (в терминологии этой работы) от *arche* к трактовке целого, образуемого в архитектурном устройстве иного, парного ему, в данном случае — научного знания [3].

Архитектурные основы поэтики архитектуры в центре внимания и современного искусствознания, при этом в тесной увязке со знанием об античной архитектуре. В первую очередь уместно сослаться в этой связи на исследования Л. И. Тарушвили [19].

Покажем здесь только один пример вращающегося общегуманитарного, в первую очередь литературоведческого знания (в самом широком диапазоне), растянувшегося

на многие десятилетия, в круг научных интересов С. О. Хан-Магомедова. В 1994 г. в серии «Античная библиотека» вышла книга Вячеслава Иванова «Дионис и прадионисийство» [12]. Эта работа, разумеется, не осталась без внимания Хан-Магомедова. Многолетние исследования Вяч. Иванова, сфокусированные на дионисийстве, отталкивались от чтения и изучения работ Ф. Ницше. «В 1896 г., — писал Иванов, — в Афинах, где я пробыл год, я уже всецело предаюсь изучению религии Диониса. Это изучение было подсказано настойчивой внутренней потребностью: преодолеть Ницше в сфере вопросов религиозного сознания...» [12, с. 6]. По результатам первого этапа исследований в 1903 г. Иванов прочитал курс лекций в Высшей школе общественных наук (для русскоговорящих слушателей) в Париже. По просьбе Д. С. Мережковского в 1904 г. эти лекции были опубликованы в журнале «Новый путь» (в 1905 г. название журнала поменялось на «Вопросы жизни»). В 1912 г. Иванов подготовил к печати монографию «Эпос и начало трагедии». Книга не увидела свет. В 1921 г. Иванов, оказавшись в Бакинском университете, защитил там докторскую диссертацию по этой теме и стал затем профессором и ректором Университета. В 1923 г. книга была напечатана под ее итоговым, дошедшим до наших дней названием «Дионис и прадионисийство».

Для С. О. Хан-Магомедова здесь все было знакомо:

- и финские корни исследования, при этом по «маршруту» от Ницше к Дионису, то есть возвращение к началу, истокам;
- и то, что работа окончательно состоялась в Баку — городе, который в начале 1920-х гг. был, возможно, самым интернациональным и «прозападным» городом на юге нашей страны;
- 1923 год — год издания книги Иванова — буквально совпадал с активной работой М. Я. Гинзбурга над «Стилем и эпохой» [9];
- последняя, XII глава книги Вяч. Иванова называется «Путь исследования. Проблема происхождения религии Диониса».

Мимо внимания Хан-Магомедова не могло пройти архитектурное начало методологического разговора, развернутого Ивановым. Анализировать его подробно здесь нет возможности, но не зафиксировать внимание на главном нельзя. Иванов раскрывает свою методологию, основанную на сочетании ответов на вопросы Что? и Как? Для гуманитарной науки в нашей стране в 1960–1970-е гг. это было по-прежнему существенно важно, поскольку официальная наука все, что было связано с кругом проблематики, отвечающей на вопрос Как?, считала формализмом и отвергала.

Еще один аспект обращения к методологии исследования не мог пройти мимо внимания автора фундаментального исследования о ВХУТЕМАСе [22]. Иванов пишет, что разговор о методе его работы в эпилоге монографии неизбежен, поскольку ему не удалось написать в свое время пролегомены к этой работе [12, с. 259]. Неразрывность пропедевтики (в данном случае во ВХУТЕМАСе) и пролегомен была осмыслена Хан-Магомедовым с опорой на работы А. Ф. Лосева с особым вниманием к 1920-м гг. Позднее С. С. Аверинцев зафиксировал схожую диалоговую неразрывность в метафоре к методу гуманитарной науки филологии, в его случае как «филологизирующую философию или философствующую филологию» [7, с. 7].

Для С. О. Хан-Магомедова не составляло большого труда сменить тему разговора с филологии на архитектуру. Формула взаимоотношений с философией при этом сохраняется. Диалог архитектуры и философии реализует формулу парного, неразрывного ответа на вопросы Что? и Как?

Начиная всестороннее исследование архитектуры авангарда с публикации книг о Гинзбурге и Леонидове [21; 1], Хан-Магомедов как бы предъясняет пролегомены и пропедевтику своего фундаментального труда, заявляя таким образом «двуязычие» архитектурного профессионализма и подчеркивая в равной мере философское и гуманитарное, художественное содержание конструктивизма и самоценность его предпроекта (у М. Гинзбурга) и проекта (у И. Леонидова).

Обсуждая методологические возможности диалога архитектуры и философии, нельзя пройти мимо понятия «путь». В 1994 г., как мы уже фиксировали, вышла книга Вячеслава Иванова, основанная на публикации в журнале с много говорящим для С. О. Хан-Магомедова названием «Новый путь». В 1995 г. издается книга М. К. Мамардашвили «Лекции о Прусте: психологическая топология пути» [14]. В 1997 г. выходит в свет еще одна работа Мамардашвили «Психологическая топология пути» [15], в которой печатается второй цикл лекций на эту же тему, но прочитанных им позднее, в 1984–1985 гг. Т. В. Васильева в конце 1980-х начала писать вторую (после «Античной школы философии») книгу — «Путь к Платону». Опубликована она только в конце 1990-х [6].

Понятие «путь» в названиях этих и, возможно, других работ сыграло значительную роль в публикации двухтомника «Архитектура советского авангарда» С. О. Хан-Магомедова. Первая книга была издана Стройиздатом, как уже упоминалось, в 1996 г. Понятие «путь» для этой работы — одно из методологически важнейших. Только в интерпретации Хан-Магомедова путь — река либо ствол дерева, крона которого перед глазами, а ствол еще предстоит «нащупать», но это не меняет сути. Если для Васильевой название исследования «Путь к Платону» переставляет акценты с книжного жизнеописания Платона и его судьбы на формирование тенденции (традиции) обретения нового знания о Платоне, то Хан-Магомедов формирует взаимоотношения между архитектурой советского авангарда и мировой архитектурой XX в. Роль начала пути в его исследовательской конструкции играет понятие «первичные» — первичные истоки, идеи, достижения.

Вводная статья структурирована автором в пять блоков, что легко и уместно здесь сопоставляется с пятью тезисами Ле Корбюзье. Но, пожалуй, существеннее, что Хан-Магомедов реализует логику конструкции пути отечественного авангарда в близости не столько к Корбюзье, сколько к фундаментальной «Логике мифа» Я. Э. Голосовкера, опубликованной в 1987 г. [10] и возвращающей нас к методологии исследовательского отношения к античности. Хан-Магомедов рисует параболу истории будущего, оттолкнувшись от античности. Текст от автора, предвещающий двухтомник, С. О. Хан-Магомедов выстроил как путь от истоков советского авангарда к его идеям и достижениям. Как результат этого пути — его вращение в мировой опыт архитектуры XX в., то есть его (века) будущую всеобщую (всемирную) историю.

Литература

1. Александров П. А., Хан-Магомедов С. О. Архитектор Иван Леонидов. – М.: Стройиздат, 1971. – 128 с.
2. Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). – М.: Политиздат, 1975. – 399 с.
3. Библер В. С. Кант — Галилей — Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования. – М.: Мысль, 1991. – 250 с.
4. Бугай Д. В. Поэтика античной философии, или Татьяна Вадимовна Васильева. «Ad Libros legendos introduction» // Васильева Т. В. Поэтика античной философии. – М.: Академический проект, Трикста, 2008. – С. 3–10.
5. Буров А. К. Об архитектуре. – М.: Стройиздат, 1960. – 148 с.
6. Васильева Т. В. Путь к Платону. Любовь к мудрости, или Мудрость любви. – М.: Логос, Прогресс-Традиция, 1999. – 208 с.
7. Васильева Т. В. Поэтика античной философии. – М.: Академический проект, Трикста, 2008. – 733 с.
8. Волчок Ю. П. «Пространство, время, движение» и эпоха М. Я. Гинзбурга (неопубликованные рукописи 40-х годов) // Архитектурное наследие. – Вып. 40. – 1996. – С. 171–176.
9. Гинзбург М. Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. – М.: Госиздат, 1924. – 238 с.
10. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 224 с.
11. Зубов В. П. Леонардо да Винчи. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
12. Иванов Вяч. И. Дионис и прадионисийство. – СПб.: Алетейя, 1994. – 350 с.
13. Лосев А. Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 207 с.
14. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. – М.: Ад Маргинем, 1995. – 547 с.
15. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути // Пруст М. В поисках утраченного времени. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 568 с.
16. Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. Основы античной теории архитектуры. – М.: Изд-во литературы по строительству, 1967. – 280 с.
17. Ржехина О. И., Блашкевич Р. Н., Бурова Р. Г. А. К. Буров. – М.: Стройиздат, 1984. – 140 с.
18. Словарь художественных терминов Г.А.Х.Н. 1923–1929 гг. / Под ред. И. Чубарова. – М.: Логос-Альтера, Ессе homo, 2005. – 504 с.
19. Таурашвили Л. И. Идеи тектоники в классической теории архитектуры. Тектоника как суть ордерной композиции // Теория композиции как поэтика архитектуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 78–103.
20. Тойнби А.-Дж. Пережитое. Мои встречи. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 665 с.
21. Хан-Магомедов С. О. М. Я. Гинзбург. – М.: Стройиздат, 1972. – 184 с.
22. Хан-Магомедов С. О. ВХУТЕМАС. Высшие государственные художественно-технические мастерские, 1920–1930. Архитектура. Дерево. Металл. Керамика. Графика. Живопись. Скульптура. Текстиль: в 2 тт. – М.: Ладыя, 1995.
23. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат, 1996. – Кн. 1. – 709 с.

Название статьи. Знание об античности и архитектуроведение в 60-е годы прошлого века: arche современной архитектуры.

Сведения об авторе. Волчок Юрий Павлович — кандидат архитектуры, профессор МАРХИ, руководитель отдела Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ). 7-я Парковая ул., 21-А, Москва, Российская Федерация, 105264. yvolchok@gmail.com

Аннотация. Знание об античности сыграло существенную роль в становлении науковедческих оснований отечественного архитектуроведения в 1960-е гг. Из многочисленных напластований всеобщей истории архитектуры, в том числе временных и методологических, при ее изучении античность выдвинулась на первый план, рельефно характеризую свое время вкупе с особенностями углубленного внимания к возможностям системного подхода к обретению нового знания.

В науковедении привычно обсуждать проблемы формообразования и стилесложения на историческом материале, то есть на материале прошлого. В 1960-е гг. в связи с обострением внимания к особенностям становления Нового во всех его проявлениях методология исторического знания разворачивается и в будущее. Опорой для такого знания становится обостренное внимание к современности. Но в данном случае современность — это не результат творчества, а выявление Нового в его процессе. Проблема устройства Нового, понимаемого как Начало = arche, выдвигается на первый план. Это составило еще один исследовательский слой архитектурной науки, заинтересованной в историческом знании об античности как одной из составляющих теоретического конструирования.

Ключевые слова: архитектурное наследие; Новейшее время; античность; Начало; новое; творчество; конструктивизм; ценности; научные методы.

Title. Knowledge of Ancient Culture and Architectural Criticism in the 1960s: Arche in the Modern Architecture.

Author. Volchok, Yury Pavlovich — Ph. D., Professor. Scientific and Research Institute for Architecture and Town Planning Theory and History, 7 Parkovaya St., 21–A, 105264 Moscow, Russian Federation. yvolchok@gmail.com

Keywords: architectural heritage; contemporary time; ancient time; arche; new; creative; constructivism; values; research methods.

Abstract. Knowledge of ancient culture played an important role in the establishment of scientific grounds for Russian architectural criticism in the 1960s. Of all numerous layers of the general history of architecture, including temporal and methodological, it was the ancient culture that has stepped forward as it gives a prominent characteristic of its time in close connection with the peculiarities of a profound attention to the opportunities given by a systematic approach to acquisition of new scientific knowledge.

It is usual in science criticism to discuss problems of shaping and style formation basing on historical material, i.e. on the information about the past. In the 1960s, due to increased attention to the peculiarities of establishment of the New in all its manifestations, the methods for knowledge of history aimed at the past also turned to the future. And the focus on the Recent Age has become the foundation for such knowledge. However, in our case the Recent Age is not the result of any creative work but revelation of the New in the course thereof. The problem of structure of the New understood as the Beginning = arche — came to the foreground. It has formed one more layer of architectural science focused on knowledge about the history of ancient culture as one of the components of theoretic design.

References

- Aleksandrov P. A.; Han-Magomedov S. O. *Arhitektor Ivan Leonidov (Architect Ivan Leonidov)*. Moscow, Strojizdat Publ., 1971. 128 p. (in Russian).
- Bibler V. S. *Kant — Galilei — Kant. Razum novogo vremeni v paradoksakh samoobosnovaniia (Kant — Galileo — Kant. Mind of the modern age in the paradoxes of self-justification)*. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 250 p. (in Russian).
- Bibler V. S. *Myshlenie kak tvorchestvo. Vvedenie v logiku myslennogo dialoga (Thinking as creativity. Introduction to the logic of mental dialogue)*. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 399 p. (in Russian).
- Bugai D. V. The poetics of ancient philosophy, or Tatyana Vadimovna Vasilieva. "Ad Libros legendos introduction." *Poetika antichnoi filosofii (The poetics of ancient philosophy)*. Moscow, Akademicheskii proekt Trikska Publ., 2008, pp. 3–10 (in Russian).
- Burov A. K. *Ob arkhitekture (About architecture)*. Moscow, Stroiizdat Publ., 1960. 148 p. (in Russian).
- Chubarov I (ed.). *Slovar' khudozhestvennykh terminov. Gosudarstvennaia Akademiia khudozhestvennykh nauk (G.A.Kh.N) 1923–1929 (Glossary of terms of art. State Academy of Arts 1923–1929)*. Moscow, Logos-Al'tera, Ecce homo Publ., 2005. 504 p. (in Russian).
- Ginzburg M. Ja. *Stil' i jepoha. Problemy sovremennoj arhitektury (Style and Epoch. Problems of modern architecture)*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1924. 238 p. (in Russian).
- Golosovker Ja. Je. *Logika mifa (The logic of the myth)*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 224 p. (in Russian).
- Ivanov V. I. *Dionis i pradiionisiistvo (Dionysus and the pra-Dionysian)*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 1994. 350 p. (in Russian).
- Khan-Magomedov S. O. *VHUTEMAS. Vysshie gosudarstvennye hudozhestvenno-tehnicheskie masterskie, 1920–1930. Arhitektura. Derevo. Metall. Keramika. Grafika. Zhivopis'. Skul'ptura. Tekstil' (VHUTEMAS. Higher State Artistic and Technical Workshops, 1920–1930. Architecture. Tree. Metal. Pottery. Graphics. Painting. Sculpture. Textiles)*, 2 vols. Moscow, Lad'ja Publ., 1995 (in Russian).
- Khan-Magomedov S. O. M. Ja. *Ginzburg*. Moscow, Strojizdat Publ., 1972. 184 p. (in Russian).
- Khan-Magomedov S. O. *Arkhitektura sovet'skogo avangarda. Kniga 1. Problemy formoobrazovaniia. Mastera i tehniciia (The architecture of the Soviet avant-garde. Book 1. The problems of forming. Masters and trends)*. Moscow, Stroiizdat Publ., 1996. 709 p. (in Russian).
- Losev A. F. *Antichnaia filosofia istorii (Ancient philosophy of history)*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 207 p. (in Russian).
- Mamardashvili M. K. *Lekcii o Pruste: psihologicheskaja topologija puti (Lectures on Proust. Psychological Topology of a Path)*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 547 p. (in Russian).
- Mamardashvili M. K. *Psychological topology path. M. Prust: V poiskah utrachennoogo vremeni (M. Proust: In Search of Lost Time)*. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian University Publ., 1997. 568 p. (in Russian).
- Mikhailov B. P. *Vitruvii i Ellada. Osnovy antichnoi teorii arhitektury (Vitruvius and Hellas. Fundamentals of the theory of ancient architecture)*. Moscow, Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu Publ., 1967. 280 p. (in Russian).
- Rzhehina O. I.; Blashkevich R. N.; Burova R. G. A. K. *Burov*. Moscow, Strojizdat Publ., 1984. 140 p. (in Russian).
- Taurashvili L. I. The ideas of tectonics in the classical theory of architecture. Tectonics as the essence of the order composition. *Teoriia kompozitsii kak poetika arhitektury (The theory of composition as the poetics of architecture)*. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2002, pp. 78–103 (in Russian).
- Toynbee A. J. *Perezhitoe. Moi vstrechi (Experiences. My Visits)*. Moscow, AirisPress Publ., 2003. 665 p. (in Russian).
- Vasil'eva T. V. *Poetika antichnoi filosofii (The poetics of ancient philosophy)*. Moscow, Akademicheskii proekt Trikska Publ., 2008. 733 p. (in Russian).
- Vasil'eva T. V. *Put' k Platonu. Ljubov' k mudrosti, ili Mudrost' ljubvi (Way to Plato. Love of Wisdom, or the Wisdom of Love)*. Moscow, Logos Publ. – Progress-Tradiciia Publ., 1999. 208 p. (in Russian).
- Volchok Iu P. "The Space, Time, Movement" and M. Ginzburg's epoch: unpublished manuscripts of the 1940s. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1996, vol. 40, pp. 171–176 (in Russian).
- Zubov V. P. *Leonardo da Vinci*. Moscow — Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962. 216 p. (in Russian).